

Под тяжёлым, пронзительным взглядом Ци Цзяня Лю И едва не соскользнул с круглого табурета.

Сяосы порывисто протянул руку, чтобы поддержать его, но тут же испуганно отдёргнул ладонь, так и не коснувшись одежды господина.

Келейное чувство равновесия уберегло Лю И от падения. Качнувшись пару раз, он удержался, поднялся на ноги у стола и, слегка нахмурившись, посмотрел на прислонившегося к дверному косяку Ци Цзяня. Странно. Вчера, когда они расставались у ворот Усадьбы семьи Лю, тот выглядел вполне здоровым. Почему же всего за одну ночь он так сильно осунулся и побледнел?

— Ты как?.. — Лю И невольно прикусил губу.

— Уходи, — глухо бросил Ци Цзянь, заходясь сухим кашлем. Он слегка подался назад, освобождая дорогу.

Избежать ненавистного молока было огромным облегчением. И всё же, проходя мимо Ци Цзяня, Лю И невольно замедлил шаг и тихо спросил:

— С тобой точно всё в порядке?

Ци Цзянь даже не повернул головы, проигнорировав его вопрос с ледяным равнодушием.

«Вчера ведь всё было нормально. Может, в императорском дворе что-то стряслось? Или за пять лет разлуки его нрав стал настолько капризным и непредсказуемым?»

Лю И недовольно поджал губы. Озадаченно окинув Ци Цзяня быстрым взглядом, он поспешил мимо него к выходу из главного зала.

Пройдя несколько шагов по двору, Лю И помедлил и всё же обернулся:

— Ты действительно в порядке?

Ци Цзянь даже не шевельнулся. Лю И неловко коснулся ладонью шеи. Его позорный побег со свадьбы нанёс сокрушительный удар по гордости Усадьбы семьи Ци. Возвращаясь вчера в родительский дом для обязательного визита, Лю И мысленно приготовился к самому худшему — к презрительному холоду и насмешкам. Однако Ци Цзянь не только не стал мстить семье Лю, но и безукоризненно исполнил все положенные ритуалы, проявив к его родителям глубочайшее почтение.

За это Лю И был ему искренне благодарен. Родители и младшая сестра были его самым уязвимым местом, его слабостью. Он сам мог сносить любые тяготы и обиды, но не желал,

чтобы они пострадали хоть в малейшей степени. Именно поэтому он сегодня поднялся ни свет ни заря и поспешил обратно в Усадьбу семьи Ци — он хотел лично выразить признательность супругу.

И теперь, столкнувшись с Ци Цзянем лицом к лицу, Лю И решил не обращать внимания на его внезапную холодность. Долг платежом красен.

Слегка откашлявшись, он негромко произнес:

— Спасибо за то, что было вчера.

Показалось, что этого мало, и он поспешно добавил:

— Ты спас мою репутацию и не дал моим близким потерять лицо. Если когда-нибудь в будущем, даже когда мы вернёмся в Западные земли, тебе понадобится моя помощь или помощь семьи Лю — только скажи. Сделаю всё, что в моих силах.

Услышав эти слова, Ци Цзянь наконец отреагировал. Он презрительно фыркнул, развернулся и ушёл обратно в зал. За его спиной с глухим стуком захлопнулась тяжёлая резная дверь.

«И что это сейчас было?»

Лю И ошеломлённо уставился на дрожащие деревянные створки. На его лице отразилось крайнее недоумение.

— Он ушёл? — спросил Ци Цзянь, вернувшись в зал.

Он опустился на тот самый круглый табурет, где только что сидел Лю И, и устало прижал кончики пальцев к виску, пытаясь унять пульсирующую боль.

Сяосы осторожно прильнул к дверной щели. Убедившись, что силуэт Лю И окончательно скрылся за воротами внутреннего двора, он тихо выдохнул:

— Да, ушёл, наследный принц.

Новый приступ удушливого, раздирающего грудь кашля заставил Ци Цзяня согнуться пополам. Тёмная, вязкая кровь хлынула сквозь пальцы, закапав пол. Когда судорога наконец отпустила его, он медленно поднялся и резким движением смахнул со стола всю посуду. Фарфор с дребезгом разлетелся по каменным плитам. Ци Цзянь хмуро уставился на растёкшуюся лужицу тёплого молока. Он неподвижно смотрел, как белая струйка медленно смешивается с его собственной кровью, пока они не превратились в грязное розоватое пятно. Лишь тогда он отвернулся и направился в глубь покоев.

— Уберите здесь всё. И пусть никто не смеет беспокоить меня сегодня.

Получив приказ, Сяосы весь день простоял у дверей спальни, со страхом прислушиваясь к каждому шороху. Лишь когда сгустились сумерки, изнурительный кашель за глухой стеной наконец затих.

Но не успел слуга облегчённо вздохнуть, как со двора прибежал один из младших слуг с тревожной вестью. Сяосы выслушал его шёпот, озабоченно взглянул на тёмные окна спальни, потом на ночное небо и сокрушённо покачал головой, отсылая вестника прочь.

Однако спустя четверть часа тот вернулся снова, умоляюще глядя на старшего слугу.

Поняв, что медлить больше нельзя, Сяосы набрался храбрости и осторожно приоткрыл дверь в спальню:

— Наследный принц... Из восточного крыла передали, что супругу наследного принца нездоровится. Ему как будто плохо. Не желаете ли навестить его?

Слова вылетели из его рта пулемётной очередью. Закончив, он тут же низко опустил голову и замер, боясь даже вздохнуть.

Ци Цзянь только что принял тяжёлое снадобье. Из-за болезни его нрав в такие часы становился особенно суровым и нетерпимым. Он ясно дал понять, что не желает никого видеть. В обычное время, даже если бы началось землетрясение, Сяосы не посмел бы переступить порог. Но дело касалось Лю И. И слуга никак не мог решить, что для его господина важнее — покой или душевное состояние супруга наследного принца.

В непроглядном мраке комнаты повисла гнетущая тишина. Спустя мучительно долгую минуту послышался шорох одежды, и из темноты показался Ци Цзянь, наспех накинувший на плечи тёмный халат.

— Веди, — глухо бросил он.

Когда они приблизились к дверям покоев Лю И, Ци Цзянь уловил доносящийся изнутри тихий, невнятный бред. Наследный принц замер на мгновение и вопросительно взглянул на сопровождавшего его слугу.

Сяосы поспешно зашептал, качая головой:

— Никого из челяди внутрь не пускали, все дежурят у ворот двора. Никто не мог слышать бред господина Лю, уверяю вас.

Ци Цзянь молча отвёл взгляд.

— Оставь нас. Я войду один.

В спальне супруга наследного принца царил полумрак. Шагнув за порог, Ци Цзянь тихо произнёс:

— Это я. Вхожу.

Ответа не последовало. Бредовый шёпот стал ещё тише и сиплее. Ци Цзянь напряг слух, но так и не смог разобрать ни слова.

— Я вхожу, — повторил он чуть громче.

Нащупав на столе огниво, он высек искру и зажёл масляную лампу. Тёплый оранжевый свет неохотно разогнал темноту, выхватив из полумрака очертания кровати в глубине комнаты.

Лю И лежал на постели, с головой укутавшись в ярко-красное свадебное одеяло. Издалека он казался огромным шёлковым коконом.

На дорогой ткани тускло поблёскивали расшитые золотом цветы. В колеблющемся свете фитиля казалось, будто лепестки плавно покачиваются на ветру. На мгновение залюбовавшись этим зрелищем, Ци Цзянь поспешил к кровати.

Остановившись у изголовья, он всмотрелся в лицо спящего, но тот лишь беззвучно шевелил губами. Зато теперь Ци Цзянь отчётливо видел, как сильно бьёт Лю И крупная дрожь. Хмурясь всё сильнее, наследный принц опустился на край постели и осторожно накрыл своей ладонью холодные пальцы юноши, выбившиеся из-под одеяла.

Почувствовав ледяное прикосновение, дрожащие пальцы Лю И на миг замерли, а в следующий миг мёртвой хваткой вцепились в ладонь Ци Цзяня, словно утопающий в спасительную соломинку. Он держал его руку крепко и долго, пока озноб наконец не утих, а бессвязный шёпот не сменился ровным, глубоким дыханием.

— Проснись, — негромко позвал Ци Цзянь.

Длинные ресницы юноши затрепетали, но глаза он так и не открыл.

Ци Цзянь осторожно сжал его ладонь в ответ и повторил мягче:

— Лю И, просыпайся.

Лю И лишь упрямо поджал губы, не желая возвращаться в реальность.

— Это я, проснись же, — Ци Цзянь повысил голос, чувствуя, как в груди шевелится глупое, запоздалое раскаяние. — Я вовсе не собирался заставлять тебя пить это молоко. Просто хотел проучить... поугаать немного.

Лю И недовольно надул губы и снова что-то забормотал.

— Что ты говоришь? — терпеливо переспросил Ци Цзянь, наклоняясь ближе.

— Это не я... Я не пил его, честно... Пожалуйста, не бейте меня...

У Ци Цзяня перехватило дыхание, зрачки его сузились:

— Что?..

— Я не трогал молоко... Не надо побоев... Не запирайте меня в темнице... — едва слышно прохрипел Лю И и медленно открыл глаза.

Он тупо смотрел на сидящего перед ним человека почти целую минуту, прежде чем сознание окончательно вернулось к нему. Разглядев в мягком свете лампы знакомые черты лица Ци Цзяня, Лю И широко распахнул глаза. Он беззвучно приоткрыл рот, но так и не смог вымолвить ни слова от удивления.

— Очнулся? — спросил Ци Цзянь. Тень ложилась на его лицо, скрывая выражение глаз.

— Да... Очнулся, — Лю И почувствовал, как к щекам приливает жар. Ему безумно захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы почесать затылок от неловкости.

Попытавшись поднять руку, он обнаружил, что до сих пор судорожно сжимает ладонь супруга. Поспешно отпустив его, он виновато улыбнулся:

— Прости. Мне, кажется, кошмар приснился.

Ци Цзянь молча кивнул и убрал руку за спину. Там, где Лю И не мог его видеть, он крепко сжал дрожащие пальцы в кулак.

Лю И сел на постели, неловко огляделся по сторонам и, чтобы хоть как-то занять себя, потянулся к столику и налил холодного чая. Сделав несколько торопливых глотков, он попытался унять бешено колотящееся сердце. Лишь теперь до него дошла очевидная странность происходящего:

— Кхм... Послушай, а что ты здесь делаешь посреди ночи?

— А сам как думаешь? — Ци Цзянь поднялся с края кровати, забрал из его рук чашку и налил чаю себе.

«Это вообще-то моя чашка...»

Лю И хотел было сказать это, но, глядя на то, как естественно и непринуждённо держится его супруг, промолчал. В конце концов, оба они мужчины, делить им нечего.

Осушив чашку, Ци Цзянь кашлянул:

— Раз ты в порядке, я пойду.

Тут и понимать было нечего: у него случился ночной кошмар, перепуганные слуги побежали жаловаться хозяину усадьбы, и тот из чистого приличия пришёл его проводить. Всё-таки тревожить больного человека посреди ночи было нехорошо. Лю И почувствовал укол совести.

— Спасибо тебе. И извини, что разбудил.

Ци Цзянь лишь неопределённо хмыкнул и направился к выходу.

Глядя на его удаляющуюся спину, Лю И невольно прикусил губу. Собравшись с духом, он негромко окликнул:

— Постой... Ци Цзянь.

Тот замер у самого порога и обернулся.

Под этим выжидающим взглядом былая решимость Лю И мгновенно испарилась. Он замялся и выдавил лишь тихое:

— Спасибо ещё раз.

— Ты уже благодарил, — сухо ответил Ци Цзянь и снова отвернулся, собираясь уйти.

Его высокая тонкая фигура уже почти растаяла во тьме ночного двора, а чёрные одежды слились с ночным небом. Лю И до боли прикусил губу и, понизив голос, спросил:

— Что на самом деле произошло с твоим отцом?

Ему показалось, что при этих словах Ци Цзянь едва заметно покачнулся. Лю И моргнул и взгляделся пристальнее, но это, видимо, была лишь игра теней: наследный принц по-прежнему стоял прямо и неподвижно, но уходить больше не спешил.

«Значит, он готов говорить об этом?»

Вспомнив недавние слова Сяосы, Лю И стиснул зубы и продолжил:

— Расскажи мне, что случилось с князем Ци. Возможно... возможно, я смогу чем-то помочь?

— И как это понимать? — глухо спросил Ци Цзянь, не поворачивая головы. — Это благодарность? Или попытка загладить вину за твой побег?

— Ну... не стоит так категорично, — Лю И неловко коснулся шеи и отвёл взгляд.

Ци Цзянь медленно развернулся. На дне его тёмных глаз на мгновение вспыхнул робкий огонёк надежды.

Всё-таки пять лет назад он поступил с ним действительно скверно. Поколебавшись, Лю И попытался объяснить:

— Пять лет назад я...

— Довольно, я всё понял, — Ци Цзянь покачал головой, и слабая искорка в его глазах тут же угасла. — Чем ворошить прошлое, лучше ответь мне на другой вопрос. Что за темницу ты упоминал в бреду?

«Откуда он знает про тёмную комнату?»

Лю И резко вскинул голову. С его лица мгновенно исчезла мягкая улыбка, а в глазах вспыхнул леденящий душу холод:

— Что ты сказал?

Заметив эту мгновенную враждебность, Ци Цзянь горько усмехнулся. Пять лет разлуки... нет, если прибавить те два года, что они были знакомы до этого, выходило целых семь лет. Кому, как не ему, знать истинную натуру этого человека? Обычно такой дружелюбный, мягкий и безупречный, словно кусок отполированного нефрита, Лю И в одно мгновение превращался в безжалостного, опасного зверя, стоило лишь кому-то задеть его тайны. Ради защиты тех, кто был ему дорог, он без колебаний перешагнул бы через любого.

И, увы, Ци Цзянь никогда не входил в этот круг избранных. Для Лю И он всегда оставался кем-то посторонним — досадной помехой, вещью, которой можно легко пренебречь.

От этой мысли грудь Ци Цзяня снова сдавило спазмом, он глухо закашлялся и отвёл взгляд.

Резко бросив вопрос, Лю И тут же вспомнил свой кошмар и понял, в чём дело. Должно быть, он кричал во сне, и Ци Цзянь всё слышал. Человек пришёл проведать его посреди ночи, проявил заботу, а он в ответ уставился на него как на врага. Некрасиво получилось.

Вспомнив, каким бледным и измученным выглядел Ци Цзянь днём, Лю И смущённо облизнул губы и виновато улыбнулся:

— Кхм... На улице уже совсем поздно, да и ветер поднялся холодный. Не хочешь... остаться и выпить ещё чашечку горячего чая?

<http://bllate.org/book/20072/2001754>